

Ливия после Каддафи: реорганизация политической системы и системы безопасности

Вольфганг Мюльбергер*

Введение

Падение режима Муаммара Каддафи в октябре 2011 года положило конец восстанию в Ливии, привело к окончанию операции «Объединенный защитник» (ООЗ) и стало началом деликатного политического перехода, который, однако, не завершился быстро и решительно после первого раунда выборов в начале июля 2012 года. Чтобы обратить внимание на некоторые из основных подводных камней в процессе происходящего перехода, в этой статье будет представлен анализ двух основных проблем, с которыми столкнется новая власть Ливии, и их правильное разрешение определит характер и стабильность будущего государства. Первая проблема – это осуществление политического перехода от авторитарного режима через революционные полномочия к демократической легитимности. Вторая проблема включает строительство и управление полностью реорганизованного сектора безопасности, как в военной, так и в гражданской сфере, преодолевая его прежнюю функцию в *Джамахирии* в качестве преторианской гвардии или спонсируемых государством шантажистов.¹

Ливийская политика не имеет иммунитета против существенных нововведений Арабской весны. Политическое представительство стало трансформированным отражением распределения сил на месте: то, что называли презрительно «Арабской улицей» – в противовес воле диктатора или предполагаемых интересов Запада, – превратилось в общественное мнение, которое оказалось неожиданно релевантным во время выборов. Все-таки первые национальные выборы в Ливии показали размытую картину без четкого большинства, что в какой-то мере является следствием сложной избирательной системы, в которой есть партийные списки и индивидуальные кандидаты. Далее, как также наблюдалось на местных выборах в Мисрате и Бенгази, политический ислам как таковой, видимо, не в фаворе

---

* Вольфганг Мюльбергер начал работу в Национальной академии по обороне Австрии в качестве эксперта по Ближнему Востоку в 2009 году. До этого он был сначала внештатным сотрудником, затем старшим исследователем в Агентстве новостей Ближнего Востока (Middle East News Agency – MENA). Он интересуется вопросами исламизма, политического ислама, израильско-арабского конфликта и в целом интеллектуальной историей арабов. Эта работа является результатом миссии в Триполи в июне 2012, чьей целью был сбор фактов, и исследовательского гранта Колледжа обороны НАТО (с апреля по июнь 2012). Он является так же автором монографии о прогрессивных мусульманских реформаторах и в настоящее время проводит исследования для своей кандидатской диссертации о реконфигурации исламистского пейзажа в Северной Африке.

¹ Полковник Муаммар Каддафи ввел этот неологизм, чтобы дать наименование его республике масс.

у ливийского народа. Это означает, что в процессе переходного периода, вероятнее всего, продолжится поиск харизматического, авторитетного политического руководства. Однако стабильность нельзя установить только успешным политическим переходом. Соперничество между многочисленными и автономными *ката'иб* (милициями) может перерасти в открытую конфронтацию.² Если те повстанческие командиры, которые неожиданно превратились в политиков, проигрывают выборы, в результате которых они надеются получить демократические полномочия (и в процессе обналечить свои прежние революционные заслуги как лидеров милиции), такой сценарий становится весьма вероятным.

С целью обеспечить плавный переход в пост-конфликтной Ливии, Переходный национальный совет (ПНС) и его временное правительство с самого начала выдвинули в качестве главных приоритетов реформу сектора обороны и судебной системы. Однако в нынешней обстановке, похоже, имеет место понимание того, что работа правосудия состоит только в привлечении к ответственности должностных лиц бывшего режима (таких как сын Каддафи Саиф аль-Ислам или бывший премьер-министр Багдади аль-Махмуди), а не в проведении реформ в системе правосудия. В то же время не редкость случаи казней без суда. Юмма аль-Джаузи, судья, который приказал арестовать Абдель-Фаттаха Юниса (командира Национальной освободительной армии с тех пор, как он в самом начале восстания ушел из правительства, и убитого в июле 2011 года), был убит в июне этого года.³ Несколько кандидатов на последних выборах и бывших должностных лиц эпохи Каддафи стали жертвами политических убийств, или на них были совершены покушения.

Несмотря на риторику ПНС о национальном примирении, реформа сектора безопасности (РСБ) отмечает незначительный прогресс в среде, занятой улаживанием старых межплеменных споров. Сейчас эти племенные соперничества, которые Каддафи использовал как надежный механизм для укрепления своей власти, при отсутствии центральной власти всплывают на поверхность. Практически посреднические усилия для выполнения хрупких соглашений о прекращении огня предпринимаются *шейхами* (племенными лидерами), старейшинами и знатью из влиятельных семей. Армия в нескольких случаях объявила, что посылает контингенты, чтобы предотвратить межплеменные столкновения, какие были при волнениях в юго-западной Себе или юго-восточной Курфе. Реальность, однако, выглядит иначе. В Курфе, где негры из племени Тубу воюют с арабами за право контролировать контрабандистские маршруты, доминирующие местные арабы из племени Зуайя были поставлены под командование структуры ливийской армии с

---

² Я предпочитаю переводить *катаба/ката'иб* (единственное/множественное число) как милиция (вместо как *бригада*), таким образом подчеркивая нерегулярный характер и ограниченный состав этих групп.

³ *Libya: Rule of Law or Rule of Militias?* (London: Amnesty International, July 2012); доступно на: <http://www.amnesty.org/en/library/asset/MDE19/012/2012/en/f2d36090-5716-4ef1-81a7-f4b1ebd082fc/mde190122012en.pdf>.

названием Ливийские силы защиты.⁴ Таким образом, не только лису подрядили стеречь курятник, но и политика Каддафи арабизации находит продолжение другими средствами.

Официально одной из главных обязанностей министерства обороны является интеграция соперничающих милиций в регулярные вооруженные силы. Но практические проблемы, такие как негативный образ министерства, более привлекательные альтернативы для работы и нежелание институции принимать с распростертыми объятиями бывших повстанцев, отрицательно влияют на этот элемент процесса реформы в секторе обороны. В дополнение ливийские пограничники, критический элемент сферы безопасности, вышли на забастовку на восточной границе страны с Египтом, протестуя против опасных условий работы из-за регулярных перестрелок с контрабандистами.

В целом на этой ранней стадии постконфликтной эпохи остается впечатление, что разные переходные органы делегируют полномочия в сфере безопасности местным милициям, причем идет или дальнейшее их укрепление во внезаконовой сфере, или, в идеале, их готовят к исполнению роли официальных защитников безопасности под эгидой министерства внутренних дел. Учреждение Верховного совета безопасности (ВСБ) является положительным примером последнего: это официальная – и функциональная – главенствующая организация, которая может помочь инкорпорировать бывших *тувар* (революционеров/повстанцев).

Высшей целью европейской политики безопасности, как в смысле политики НАТО, так и с позиций Общей политики безопасности и обороны (ОПБО), должно быть предотвращение сценария «провалившегося» государства, который привел бы к фрагментации южного берега Средиземного моря, как это случилось в Сомали или в Йемене. Чтобы предотвратить развитие по худшему сценарию, Европа должна определить свое отношение к ситуации в Ливии безотлагательно и с мудростью, главным образом обеспечивая политическую поддержку новоизбранному правительству. В конечном счете, все сводится к тому, чтобы избежать ситуации, которая потребует введения наземных сил с миротворческими элементами и элементами для поддержания мира. Такой сценарий не только на руку местным исламистским милициям (таким как Ливийская Исламская Боевая Группа – ЛИБГ⁵), но он также может разжечь пожар глобального *джихада*. На текущий момент такой сценарий выглядит не очень вероятным. Однако, любое ухудшение ситуации с безопасностью в зоне Сахеля, которая в конечном счете является санитарным кордоном безопасности (*cordon sécuritaire*) для Европы, может произвести только отрицательный эффект на процесс строительства государственных структур Ливии.

---

⁴ Nicolas Pelham, “Rivalries for Authority in Libya,” *NOREF Report* (7 June 2012); доступно на: www.peacebuilding.no/Regions/Middle-East-and-North-Africa/Publications/Rivalries-for-authority-in-Libya.

⁵ Ливийская Исламская Боевая Группа под командованием Абдельхакима Бельхаджа.

Весьма вероятно, что ожидаемое возвращение положения государства-рантье, живущего от нефтяных доходов, позволит правительству укрепить центральную власть за счет своей распределительной роли. Ожидания, связанные со щедростью такого патриархального государства, все еще существуют, что дает в руки следующего избранного правительства мощный рычаг. Огромное финансовое влияние государства может оказаться единственным наиболее убедительным средством для кооптации прагматических сил и может даже позволить властям управлять наиболее непредсказуемыми элементами (такими как непокорные милиции) в процессе строительства государства.

НАТО должно использовать положительный импульс, созданный ООЗ в Ливии, и расширить сотрудничество с новоизбранным правительством и с руководством новой национальной армии. В то же время неопределенность остается. Появится ли в результате политической трансформации у ливийской стороны достаточное политическое желание, чтобы ответить положительно на предложение о сотрудничестве, сформулированное на саммите НАТО в Чикаго в мае 2012 года? Дверь для интеграции Ливии в Средиземноморский диалог (СД) широко открыта. Однако, имея в виду то, что Триполи все еще предстоит определиться со своей геополитической ориентацией, что существуют потенциал для обвязывания с новым «неприсоединившимся движением» под руководством Мусульманского братства и сильная тенденция к национализму и автономным действиям, основывающимся на значительном богатстве ресурсов, масштаб и качество будущих отношений НАТО-Ливия остаются под вопросом.

Эволюция политического ландшафта

После того как Каддафи лишился благосклонного отношения сначала в стране, а затем и на международной арене – и в итоге лишился власти при косвенной поддержке НАТО, – были созданы два промежуточных органа власти. ПНС и его временное правительство были организованы политическими прагматиками, чтобы они представляли Ливию во внешнем мире и координировали выполнение мероприятий амбициозной дорожной карты включения ее в политическую жизнь, обеспечения демократической легитимности и, возможно, пост-конфликтное примирение. У прагматистов была общая цель – противодействовать авторитарному управлению Каддафи, и они соперничали в своем стремлении унаследовать систему *Джамахирии*. При этом новые политические акторы имели самые разные идеологические платформы. Добившись своей общей цели – падения режима Каддафи, – ПНС и назначенное (а не избранное) временное правительство во главе с премьер-министром А. аль-Кейба не могли печатанием документов совладать с присутствием гетерогенной оппозиции и оказались в дивном новом мире демократического плюрализма. В этих условиях качество и жизнеспособность новой по-

литической системы будут зависеть от степени сотрудничества между антагонистическими силами.⁶

Эти две временные структуры часто становились объектом критики за недостатки легитимности, прозрачности и подотчетности. Во-первых, будучи самопровозгласившимся органом, представляющим большую часть оппозиции, ПНС получил значительное международное признание, а так же политическую и военную поддержку за рубежом. Но на местном уровне его авторитет в принципе оспаривался из-за отсутствия демократических полномочий или его критиковали за то, что регионы были представлены неодинаково, предположительно в пользу восточного региона Киренаика. Во-вторых, тот факт, что учреждение этого органа было непрозрачным (список членов ПНС исчез с веб-сайта) давал основания тем, кто требовал большей прозрачности. И последнее, в связи с двумя вышеперечисленными пунктами был поднят и вопрос о потенциальном отсутствии подотчетности. Критика этого наскоро сформированного переходного органа на указанных основаниях внешнему наблюдателю может показаться слишком придирчивой. С другой стороны, на фоне сорока двух лет крайне деспотического и непредсказуемого управления желание установить подлинно демократическое участие вполне понятно.

Независимо от всего, в непростой обстановке пост-конфликтной Ливии ПНС успешно взял курс на организацию местных и национальных выборов. Очевидная цель выборного процесса имеет две стороны: положить конец полномочиям двойной временной структуре (ПНС и переходному правительству), созданной прагматистами Революции 17 февраля, и дать возможность народным голосованием легитимировать новое правительство. И одним из самых сложных вызовов остается преодоление широко распространенного недоверия к представительной власти. Этот вопрос в меньшей степени относится к ПНС как таковому, а имеет более глубокие корни, уходящие в неприятие центральной власти, которое копилось десятилетиями. Далее, значение принципа демократического политического представительства все еще предстоит оценить в Ливии во всей его глубине. Опросы не раз показали, что смысл политических партий необходимо довести до сознания широкий общественности гораздо более эффективно; для избирателей, которые никогда не голосовали, а тем более не выбирали из нескольких лидеров, кривая обучения может иметь большую крутизну.

В дополнение, выборы должны также функционировать как механизм для устраниения параллельной структуры власти, которая все еще существует. С началом восстания и последовавшей гражданской войны, население Ливии начало самоорганизовываться на низовом уровне. В результате для того чтобы управлять восстанием и создавать местные сети безопасности, были учреждены местное управление и военные советы. Члены этих местных советов или будут переизбраны на

---

⁶ Для подробного анализа центробежных и центростремительных сил смотри: Arturo Varvelli, "Evoluzione della situazione in Libia," *Osservatorio di Politica Internazionale: Approfondimento ISPI* (May 2012).

местных выборах, или попытаются представлять интересы своих округов путем участия в национальных выборах, борясь за индивидуальные места в национальном собрании. Поэтому нельзя отбросить вероятность того, что новое Национальное собрание (переименованное в Общий Национальный Конгресс), будет в меньшей степени представлять различные социальные слои, и в большей степени функционировать в местном контексте. Этой тенденции будет способствовать тот факт, что в будущем парламенте мажоритарным кандидатам выделено большее число мест (120 из 200) против 80 по партийным спискам.

В общем, группы, которые соперничают в борьбе за представительство в новой политической системе, включают широкий диапазон революционных и пост-революционных акторов: прагматистов (которые отдали предпочтение политике вместо военным действиям после февраля 2011 года); лидеров милиций; исламистов (распределенных по всему спектру, от партий с общей ориентацией на исламскую этику, через Братьев-мусульман и до более радикальных форм движений на идеологической основе); племенных шейхов, включая некоторых бывших лоялистов Каддафи; и федералистов.

Перед «Мусульманским братством» в ливийской политике стоят три главных вызова. Во-первых, политический ислам как таковой сталкивается с фундаментальным противодействием, поскольку идея создания политической партии только на основе варианта исламской идеологии вызывает сомнения (если не прямые подозрения) среди ливийцев.⁷ Во-вторых, что говорит совсем не в его пользу, Братство имеет привкус египетского движения из-за того, что его исторические корни находятся в соседнем государстве, особенность, которая стала еще более заметной сейчас, когда «Мусульманское братство» официально находится у власти в Каире. И последнее, *Ихван* не были видимой частью Революции, несмотря на их представительство в основанном в Бенгази ПНС. Но у них есть преимущество другого характера. Абдель-латиф Кармус, председатель *Меджлис аш-шура* (консультативного совета) убедительно доказывал, что «Мусульманское братство» способно развернуть широкую сеть, охватывающую всю страну, что дает им серьезную возможность убеждать и мобилизовать избирателей. Это может оказаться важным преимуществом перед другими политическими партиями, которые в основном организованы на более локальном уровне. Таким образом, в реальной борьбе за политическое превосходство могут принять участие только те партии, которые имеют представительство по всей стране или которые рассчитывают на поддержку многочисленного городского населения вдоль побережья.

Чтобы противодействовать федералистским тенденциям в Киренаике, ПНС предложил децентрализацию власти из Триполи путем переноса отдельных министерств (например, как министерство нефти или министерство экономики) в Бен-

---

⁷ Ссылка на исламские ценности однако, обязательна для всех партий. В первом национальном опросе общественного мнения после падения Каддафи 57 процентов респондентов заявили, что «Мусульманское братство» не должны вообще участвовать в политической жизни. Результаты опроса можно посмотреть на: www.prnewswire.com/news-releases/university-of-oxford--national-public-opinion-poll-of-libya-139308408.html.

гази. Этот метод может оказаться подходящим для упреждения действий, направленных на дробление регионов или на объявление автономии сепаратистской Восточной Ливии. И все-таки весь этот спор федерализма против автономии в Киренаике, похоже, не столько является дымовой завесой для достижения полной независимости, сколько средством для выражения в политических терминах острой необходимости ликвидировать маргинализацию региона, имевшую место при Каддафи. В своем первом публичном выступлении после выборов 7 июля, Ахмед Зубайр аль-Сенусси, лидер ПСК (Переходного Совета Киренаики), положительно ответил на призыв к национальному единству, отправленный Махмудом Джабрилом, главой победившего на выборах Альянса Национальных Сил (АНС).

На последней неделе перед первыми свободными выборами главный муфтий Ливии, Садек аль-Гариани, призвал людей голосовать по совести. В этом случае он ясно имел в виду «исламское» сознание, и следовательно, одобрил голосование в пользу политических групп, основанных на более строгом толкование ислама. Накануне выборов он даже издал *фетву*, осуждающую отсутствие у некоторых политических партий исламских ссылок и принципов, в том числе и АНС.

Выборы и политическая культура

В последний раз многопартийные выборы проводились в Ливии в 1952 году для того чтобы сформировать парламент недавно учрежденного Объединенного королевства Ливия. Король Идрис аль-Сеннуси запретил выборы и демократическую партийную систему с целью укрепить свою власть в рамках конституционной монархии. С приходом к власти после бескровного переворота Революционного Командного Совета (РКС) Каддафи сначала была установлена однопартийная система (Арабский Социалистический Союз), который быстро исчез, чтобы уступить место политической системе разных направлений, в том числе и маоистского толка.⁸ Фиктивная «низовая демократия», выражающаяся в низовых народных советах, чья основная задача состояла в том, чтобы ставить печать на решениях, предварительно принятых *Мушидом*, лидером – таким образом, создавая видимость, что все идет с низин – сильно ограничивалась Революционными комитетами, яростно обеспечивающими долговечность «Зеленой революции». Поэтому неудивительно, что здания (вооруженных) Революционных комитетов, наряду со зданиями аппарата безопасности стали первыми жертвами поджогов и ограблений, когда начались волнения в Киренаике в феврале 2011 года.

С годами Полковник стал воздерживаться от прямого участия в политике, оставив себе только две официальные должности: командующий вооруженными силами и лидер революции. Это позволило ему ловко проводить свою политику с арьергардных позиций и продолжить свою пропаганду против «беззаконий» политических партий. Следовательно выборы, такие как 7 июля 2012 года, являются для Ливии совершенным новшеством и краеугольным камнем огромной важности

⁸ Hugh Roberts, "Who said Gaddafi had to go?," *London Review of Books* 33:22 (17 November 2011): 8–18; доступно на: www.lrb.co.uk/v33/n22/hugh-roberts/who-said-gaddafi-had-to-go.

для восстановления новой политической системы. Первоначально выборы были назначены на 19 июня, но Высший Национальный Избирательный Комитет (ВНИК) решил перенести голосование. Среди множества указанных причин определено главную роль сыграла неуклюжая и отнимающая много времени процедура по проверке кандидатов.

Интересно, что политическая культура Джамахирии все еще жива в извлеченного из системы Каддафи опыте: во время восстания появилась модель местных советов в примитивно демократическом стиле и приняла на себя управление хрупкого процесса перехода. Таким образом в почти ироническом повороте судьбы, призыв позднего Каддафи к народу учреждать так называемые «народные комитеты» по всей стране, похоже претворился в жизнь только после того, как он ушел с политической сцены.

Дорожная карта демократизации и выражения воли народа должна быть процессом. ПНС объявил эти последовательные шаги еще на начальном этапе – задолго до того как переехал из Бенгази в Триполи, – чтобы подчеркнуть свою роль посредника в процессе перехода. Если говорить о подробностях, первоначальный план был следующим: выборы национального собрания, за которым последует назначение избранного правительства; выработка конституции, которую в конечном итоге должен утвердить референдум; и выборы (запланированные на 2013 год), основанные на конституции, которые позволят нации окончательно привести к власти не-временное правительство.⁹

Общий Национальный Конгресс (парламент) будет составлен из 200 членов парламента. 80 мест будут распределены между кандидатами по партийным спискам и 120 будут предоставлены индивидуальным кандидатам. Это распределение основывается на данных о плотности населения по переписи от 2007 года. Чтобы избежать критики со стороны Киренаики, ПНС объявил, что места в конституционном собрании, состоящем из 60 членов, будут распределены поровну между тремя основными регионами.

В процессе проверки в конечном итоге было одобрено 1200 кандидатов по партийным спискам и 2500 зарегистрировавшихся как независимые. На основании этих результатов, а так же на основании активности политических акторов, можно ожидать, что кандидаты в определенных городах будут участвовать и по партийным, и по мажоритарным спискам. Также, хотя было зарегистрировано впечатляющее число партий (больше 140), только немногие будут участвовать на национальном уровне (т.е. в каждом избирательном округе). Другими словами, имея в виду большую долю независимых кандидатов, результаты выборов вероятно в большей степени будут отражать картину голосования на местном уровне, чем представлять собой картину некоторого «национального интереса» или выражать партийную платформу определенной политической группы.

---

⁹ Сразу после выборов ПНС решил изменить схему формирования конституционного комитета с целью предотвратить упреки со стороны восточного региона относительно распределения мест. Сейчас это решение обсуждается в Альянсе Национальных Сил.

На деле существуют два пути преодоления этих тенденций. Первый вариант – это стать движением, основанном на идеологии (как «Мусульманское братство»), которое предположительно служит общим интересам или ценностям, выходящими за рамки племенных, приходских или строго региональных соображений. Вторая возможность состоит в том, чтобы создать широкий альянс из маленьких (местных) партий под крышей одного более или менее объединяющего партийного символа. Этот вариант был выбран на раннем этапе Махмудом Джбрилом, являющимся до этого премьером временного правительства ПНС, а теперь руководителем победившего АНС.

Имея в виду сложную систему процедуры проверки кандидатов и регистрации партий, и заодно систему регистрации избирателей, которая успела включить 80 процентов из 2.7 миллиона потенциальных избирателей в Ливии, оказалось, что ПНС/ВНИК успешно справились с подготовкой (что отражает и очевидный энтузиазм населения). Явка в день выборов примерно 1.6 миллиона голосующих, соответствующих 62 процентам зарегистрированных избирателей, показала, что ливийцы были готовы поддержать новую политическую систему в процессе ее становления. ПНС, чей председатель Абдель Джалиль сделал похожее заявление после окончания гражданской войны, еще раз подтвердил свою позицию по вопросу о будущей роли *шариата* (исламского права) накануне дня выборов. По мнению этой переходной структуры, которая не будет исполнять никакой политической роли после ее расформирования, исламское право должно быть основным источником законодательства в Ливии, положение, которое должно быть закреплено в будущей конституции. С точки зрения Джалиля, следующее правительство обязано иметь в виду эту рекомендацию и этот вопрос не должен являться объектом народного референдума. Однако любое конституционное предложение, со ссылкой на *шариат* или без нее, должно быть объектом референдума в соответствии с дорожной картой демократизации.

Несколько последних замечаний дадут нам более полную картину развивающегося процесса политической трансформации. Несмотря на опасения (и множество соответствующих заявлений), существенных нарушений на выборах не наблюдалось. У так называемых федералистов из ПСК не было достаточно мобилизационных ресурсов, чтобы организовать широкомасштабный бойкот выборов, а твердые салафиты предпочли нападать на места религиозного значения, такие как гробницы суфиев (которых считали неортодоксами), чем срывать голосование. В конечном итоге выборы прошли без инцидентов практически во всех округах.

Тем не менее, результаты выборов все еще могут быть оспорены крайними группами, которые сочтут, что их собственные интересы по результатам не представлены достаточно хорошо, или теми, которые считают, что победители, связанные с бывшим режимом, не могут участвовать в управлении страной. Такая критика уже слышна в отношении М. Джбриля, в том числе и от главного муфтия, который заявил, что если Джбриль придет к власти, это будет кражей революции. В конце концов, многочисленные индивидуальные кандидаты – которые

занимают большинство (120) мест в парламенте, – могут оказаться в действительности теми, кто будет иметь решающий голос.

Отношения между государством и племенами: местное племенное управление?

В сравнение с государствами Северной Африки, ливийское общество более четко организовано по племенному и клановому принципу.¹⁰ Хотя такой принцип социальной организации ставится под вопрос населением, которое давно живет в городах, и большей частью молодежи. Но родственные связи продолжают действовать и в городских центрах, где они часто являются основой так называемой «политики расширенной семьи» и иногда оказывают влияние на состав населения городских кварталов. Что, однако, более важно, это то, что отношения между племенными моделями и государством не являются антагонистическими, а скорее дополняющимися и перекрывающимися. Эта специфика ливийской действительности должна учитываться каждым внешним актором, принимающим участие в конкретной части строительства пост-конфликтного государства и институций, в том числе и в сфере политики и безопасности.¹¹

Центром власти бывшего режима был так называемый *Риджал аль-Хайма*, что лучше всего переводится фразой «люди из палаток». С тех пор как Полковник был вынужден отказаться от своей анти-племенной политики после первых десяти лет правления по причинам *realpolitik* (реальной политики), он все больше использовал племенную символику в качестве сплачивающего элемента, а также для цементирования своей роли *primus inter pares* (первого между равных) в контексте племенной логики. Наряду со своим идиосинкразическим нарядом, вдохновленным племенным одеянием, он прославился тем, что при государственных визитах за границу возил с собой бедуинский шатер. В глазах международного сообщества Каддафи выглядел эксцентриком, но таким образом он посылал сигналы идентичности и принадлежности своим соплеменникам.

В новой политической системе демократического представительства, которую Ливия сейчас испытывает в рабочем порядке, племенной элемент надо учитывать. В сущности, не было учреждено никаких партий на чисто племенном принципе, даже самой большой в стране племенной конфедерацией Варфалла. Скорее, племенные элементы представлены маленькими партиями, которые присоединились к большим коалициям, или индивидуальными кандидатами, рассчитывающими на местническую родственную лояльность, которая обеспечит им место в парла-

¹⁰ По историческим причинам существовала некоторая тенденция к использованию племенных вместо государственных критериев при распределении ресурсов и разрешении конфликтов, двух основных функций любой власти. Смотри: Lisa Anderson, “Tribe and State: Libyan Anomalies,” in *Tribes and State Formation in the Middle East*, ed. Philip Khoury and Joseph Kostiner (Berkeley, CA: University of California Press, 1990).

¹¹ Смотри: Thomas Huesken, “Tribal Political Culture and the Revolution in the Cyrenaica of Libya,” conference paper presented to the Libyan Centre for Studies and Research, Doha (2012).

менте. Это позволит им претендовать на то, что они представляют интересы определенных племен на национальном уровне (например, в политике распределения), под предлогом, что они являются частью правящей коалиции. Будет ли использован этот метод на практике, еще предстоит увидеть.

При гарантированном распределении мест между регионами в собрании (102 Триполитании, 60 – Киренаике, 29 – Фезане, и 9 – Сирту), которое обеспечивает представительство избирателей только на основании плотности населения, без никаких дополнительных соображений, эксперты предупреждают о возможности институционализации племенных интересов как в афганской Лойя Джирга.¹² Такой режим параллельного представительства может подорвать основанный на выборах процесс демократизации и, следовательно, уменьшить стабильность политической системы.

Плюрализм и стабильность

Один из основных вопросов, связанный с арабским восстанием, особенно с точки зрения внешних игроков, затрагивает связь между политическим плюрализмом и стабильностью. Пример Ливии показал, что стремление к политическому плюрализму после интервенции НАТО не приводит обязательно к хаосу. Если победители на выборах смогут на самом высоком уровне достичь договоренности о разделении власти – например, о распределении министерских портфелей – и будут в состоянии учесть озабоченность восточных регионов (сформулированные ПСК), которые воспринимают происходящее как продолжение их маргинализации, политическая ситуация постепенно консолидируется сама собой. Таким образом, будут выполнены наиболее важные предварительные условия для будущей централизации власти – а именно установление доверия и общепризнанного авторитета, – через реформу сектора безопасности и разоружение, демобилизацию и реинтеграцию (РДР).

Результаты выборов 7 июля по партийным спискам показали очень сильную позицию платформы Ахмеда Джибриля – АНС. В большинстве избирательных округов политическая платформа «Мусульманского братства» вышла на второе место, хотя весьма часто ее поддержка отставала от поддержки АНС в отношении 1:10.¹³ После предварительных результатов, которые показывали большой успех альянса Джибриля, он сделал предложение остальным соперникам начать национальный диалог. Поскольку эти выборы соответствуют второму из нескольких этапов демократизации, и их результатом будет еще одно временное правительство, некая платформа диалога может вынести на поверхность потенциальные препятствия и привести к задержке принятия конституции, которая должна быть разработана шестьдесятю членами парламента.

¹² Лойя Джирга является институционализированным политическим субъектом, который существует для того, чтобы представлять племенные интересы в Афганистане.

¹³ Смотри: Hussein Ibish, “A Patronizing Narrative Pigeonholes Arabs,” *NOW Lebanon* (17 July 2012).

Риски для следующего правительства в основном связаны с проблемой милиций. Хотя разные проекты и программы реинтеграции членов милиций в жизнь новой демократической Ливии отмечают определенный прогресс (через деятельности по РДР), следующие шаги избранного правительства, направленные на разоружение милиций, должны быть более настойчивыми, чем действия ПНС, который особого рвения не проявлял и предпочитал решать эту проблему следуя курсу аутсорсинга подготовки персонала для сферы безопасности за границей, таким образом избегая прямой конфронтации с милициями или, соответственно, с их лидерами. Однако некоторые из окопавшихся милиций (особенно большие конфедерации) могут воспротивиться более твердой позиции правительства.

Историческое значение и символизм выборов нельзя преувеличить. Они сами по себе являются новшеством, и несмотря (а может быть благодаря) консервативному религиозному характеру ливийского общества, Ливия не последовала тенденции политического ислама как в Египте. С неясным большинством, о котором еще предстоит договариваться, и при условии, что АНС представляет потенциально неустойчивый блок десятков маленьких групп, политическая нестабильность будет иметь место еще некоторое время.

Однако выборы нового правительства – это только один шаг на долгом и тернистом пути к стабильной и безопасной Ливии после интервенции НАТО на основании Обязанности защищать (ОЗ). Администрация управления нуждается в профессионализации. Ожидания, касающиеся роли (патриархального) государственного менеджмента, необходимо пересмотреть (особенно среди многочисленных и неквалифицированных молодых). И на последнем месте, но не по значению: весь сектор безопасности нуждается в согласованной реорганизации, чтобы реинтегрировать членов своих милиций в гражданскую жизнь или в направлении профессиональной карьеры в вооруженных силах под государственным управлением.

Главные вызовы, стоящие перед правительством в Триполи после операции «Объединенный защитник», можно резюмировать следующим образом:

- Регионы, которые боятся продолжения их прежней маргинализации (в особенности Киренаика), ожидают ясного знака от центрального правительства в отношении того, что распределение богатства на основе ресурсов, включая налоги, будет более справедливым.
- Милиции (*ката'иб*) необходимо разоружить и реинтегрировать так скоро, как только это будет возможно, чтобы избежать укрепления их позиций.
- Экономику необходимо диверсифицировать в секторы, не связанные с добычей нефти, чтобы обеспечить устойчивое развитие и справиться с проблемой массовой безработицы среди молодежи.
- Защита границ требует профессионального состава, подготовки и оборудования наряду с поддержкой со стороны полиции в борьбе с организованной преступностью.

- Надо предпринимать меры и обеспечивать посредничество в усиливающихся столкновениях на расовой основе на Юге (Себха и Курфа) с учетом интересов всех конфликтующих сторон.

Сектор безопасности Ливии: реформы и управление

Сектор безопасности при полковнике Каддафи характеризовался наличием слабой регулярной армии, могущественными паравоенными бригадами для защиты управляющей элиты и изобилием *мухабарат* (разведывательных служб и служб безопасности).¹⁴ В вооруженных силах полностью хаотическая политика поставок привела к отсутствию оперативной совместимости оборудования или к неэффективному развертыванию ресурсов и личного состава (например, слишком много разведывательных самолетов). В дополнение, ливийская армия была разгромлена в войне с Чадом в 1980-х, а министр обороны всегда воспринимался больше как внутренняя угроза, чем как опора режима. Так как Каддафи – хотя он и был титулярным главнокомандующим вооруженных сил – не создал надежную и верную ему армию (в отличие от режима Бааса в Сирии), внутренний круг власти находился под защитой элитных бригад и персонала служб безопасности, нанятыми на основании родственных связей.¹⁵ Бывший руководитель ливийской разведки Абдулла аль-Сеннуси и его советники, такие как Ахмад Кадаф ад-Дамм (сейчас оба сосланы соответственно в Мавританию и в Египет), были назначены благодаря родственным связям.

Вакуум в сфере безопасности, который образовался ненадолго во время гражданской войны и воздушной кампании НАТО из-за дезертирства в армии, дезертирства из элитных бригад (например, 32 бригады Хамиса аль-Каддафи) и исчезновения полиции, эффективно был заполнен местными милициями. Эти группы формально организованы в Местные Военные Советы, которые являются более или менее подотчетными местным политико-административным советам. Они пополняются членами из городов (например, Мисрата), из пригородов (например, Сук аль-Джума) или из сельских племен (берберы Зинтани), и эффективно обеспечивают безопасность населения или горожан в географически ограниченных районах. Иными словами, отсутствие центрально организованного и уполномоченного сектора безопасности в Ливии не явилось и не является равнозначным хаосу, как раз наоборот. Однако в этой ситуации есть и хорошая, и плохая сторона. Положительный элемент состоит в том, что эти вооруженные бывшие революционеры успешно предотвратили взрыв повсеместного хаоса; оставшись действующими на местном уровне акторами, они не стали искать приключения по всей стране. Отрицательная сторона в том, что разоружение милиций или уничтожение их оружия, не предлагая альтернативную систему безопасности или реализации

¹⁴ Hans-Peter Mattes, “Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case,” *DCAF Working Paper* no. 144 (August 2004).

¹⁵ Moncef Ouannes, *Militaires, Elites et Modernisation dans la Libye Contemporaine* (Paris: L’Harmattan, 2009).

других профессиональных возможностей бывшим бойцам, не поднимет уровень безопасности.

Текущий политический процесс (выборы, разработка проекта конституции) должен создавать доверие и обеспечивать легитимность правительству. На этой основе общественное настроение может понемногу сдвигаться от благосклонности к местным милициям за то, что они обеспечивают безопасность, к ожиданию того, что официальные структуры заменят нерегулярные. Одним из главных вызовов процесса политического перехода является то, как оправдать ожидания на местном уровне, не подрывая окрепшую центральную власть, передав слишком много полномочий защитникам местнических интересов.

Та же проблема существует и в сфере безопасности, т.е. в отношении милиций. Другими словами, только сочетание одновременно предоставленных альтернатив занятости и создание надежной, управляемой централизованно структуры, обеспечивающей безопасность, может позволить плавный процесс, без риска создания опасного вакуума безопасности. Важный пункт, касающийся взаимозависимости политических акторов и акторов в сфере безопасности, это то, что *Ихван* бояться армии не только из-за ее секуляристской ориентации, но так же и потому, что она является их политическим оппонентом. Поэтому «Мусульманское братство» будет использовать любую возможность через выборные ливийские институты держать армию слабой, а ее бюджет незначительным, таким образом уменьшая нынешнюю скудную привлекательность вооруженных сил.

Объединенные нации через UNSMIL (UN Special Mission in Libya – специальная миссия ООН в Ливии) выполняют специальную функцию, осуществляя руководство планированием постконфликтной стабилизации и отвечая за координацию всех соответствующих акторов. Одна из этих задач включает посредничество между министерством внутренних дел и министерством обороны, которое необходимо из-за их нежелания контактировать напрямую.¹⁶ В настоящее время проводится оценка основных потребностей сектора безопасности, в том числе и подготовка проекта белой книги, которая определит функции и численность полиции и вооруженных сил и выделит приоритетные области.

Согласно высокопоставленному генералу, который раньше при Каддафи служил в армии и был одним из первых, кто перешел на сторону повстанцев, будущие вооруженные силы должны выбрать систему приоритетов, включающую:

- Оснащение современным, оперативно совместимым оборудованием (на основе функциональных решений о поставках);
- Привлечение мотивированных молодых солдат, чтобы вернуть в нормальное положение перевернутую возрастную пирамиду (бывшие повстанцы)

---

¹⁶ Исключительно иерархический процесс принятия решений при Каддафи препятствовал горизонтальной коммуникации в правительстве. Сейчас, в переходном периоде, это наследие усугубляется племенным соперничеством (министерство обороны находится под руководством выходцев из племени Зинтани, министерство внутренних дел – из Мисрата).

нежелательны в качестве новобранцев, да и они не очень заинтересованы в этом);

- Защита границ и территории страны с помощью современного оборудования для наблюдения;
- Дальнейшее сотрудничество с НАТО (на основе успеха ООЗ).

В целом, как критический момент надо рассматривать определение реального временного графика пост-конфликтной стабилизации. Местные ожидания, как и ожидания внешних акторов, желающих принять участие в РСБ/РДР или в строительстве институций, должны быть ориентированы на годы, а не на месяцы.

Фрагментированный, но все-таки стабильный ландшафт

После официального окончания «Революции 17 февраля» и операции НАТО «Объединенный защитник» почти год назад, агломерат в Триполи все еще находится под контролем определенного числа милиций или их объединений. Несмотря на это очевидное отсутствие государственной монополии на насилие, предсказания о полном хаосе после падения Каддафи оказались сфальсифицированными (или точнее оказались его собственной пропагандой). Главные игроки в столице включают или местные милиции из окрестностей или из соседних регионов (Джебел Нафуса) и городов (Мисрата), или базирующиеся на идеологии исламизма группы, которые заполнили город, чтобы освободить его от сил, оставшихся верными режиму в конце августа 2011 года.

После пленения и экзекуции Каддафи военные группы, сошедшиеся в Триполи, чтобы освободить столицу, создали три главных альянса (*таджамму*), которые все еще существуют, а их существование не стало основной темой для обсуждения в ПНС. Нежелание обсуждать этот вопрос с одной стороны связано с временной ролью этого совета, что ограничивает его авторитет, и одновременно связано с проблемой общих революционных полномочий ПНС и *тувар*, в силу чего любая прямая попытка распустить милиции будет воспринята последними как предательство «целей революции». По данным Комитета по Делах Боевиков (КДБ¹⁷), количество милиций в Триполи достигает поразительного числа 577, за столицей идет Бенгази – 300. На третьем месте находятся города Себха и Адждабья с 69 милициями в каждом.¹⁸

Главой «Западного военного совета» является Мухтар Фернана, бербер из племени Зинтани, и похоже, человек без политических амбиций. Костяк группы состоит из 5000 боевиков зинтани, с подкреплением из дополнительных сил разного происхождения. Под их контролем находится область, простирающаяся от Триполи на юг до Гадамеса на алжирской границе, что делает их одним из самых могучих альянсов. «Военный совет Триполи» под руководством Абдель-Хакима

¹⁷ Учрежденный при канцелярии премьер-министра.

¹⁸ Эти весьма значительные цифры основаны на общем количестве 250000 зарегистрированных *тувар*.

Бельхаджа, бывшего боевика ЛИБГ, является основанным на исламистской идеологии лоскутным одеялом единомышленников *джихадистов*. Тем не менее, Бельхадж решил попробовать себя в политике, и на последних выборах стал главой (Национальной) *Vatan* партии, которая показала весьма скромные результаты. Третье, «Революционный совет Триполи» остается под руководством Абдуллы Накер аль-Зинтани. С февраля он демонстрирует желание сотрудничать с государственными властями и поддерживать их программы, направленные на реинтеграцию бывших повстанцев. В дополнение к этим большим конфедерациям из разных районов города появились множество малочисленных милиций, таких как «Катибат Шукуд» из Сук ал-Джумма.

Дополнительное беспокойство, кроме их вооружений, вызывают незаконные центры задержания, поддерживаемые милициями, которые стали для них чем-то похожим на *raison d'être*. По некоторым оценкам более 4000 задержанных (в основном бывшие лоялисты) все еще остаются под стражей групп милиций.¹⁹ Вследствие всех этих причин, в некоторый момент времени надо будет определить реалистический и подлежащий исполнению крайний срок для разоружения милиций и передачи задержанных в официальную систему правосудия. Необходимым предварительным условием для такой деликатной задачи будет создание утвержденного постоянного правительства, которое в свою очередь сможет упорно продолжать работу по легализации всего спектра сектора безопасности.

Реверсирование процесса распространения оружия и Ката'иб

Очевидно, к проблемам распространения оружия и грибоподобного размножения милиций надо применять комплексный подход с тем, чтобы утвердить центральную власть новоизбранного правительства и для обеспечения безопасности и стабильности постконфликтной Ливии. Для этого новая власть опробовала разные способы, в том числе регистрацию оружия (58 000 по данным КДБ), обмен оружия на деньги и на работу (например, в службах безопасности).

Канцелярия премьер-министра ПНС создала Комитет по делам боевиков с тем, чтобы он занимался этим вопросом. КДБ регистрировал бывших боевиков и начал выполнение программ по их интеграции в службы безопасности и в экономику. Удивительно, что в их базу данных было включено значительное число (250 000) предполагаемых бывших *тувар*.²⁰ Основная идея состоит в обмене оружия на работу в государственных структурах с целью укрепить стабильность. Дополнительно КДБ предлагает финансирование проектов для малого бизнеса и начинающих компаний.

¹⁹ Смотри: *Libya: Rule of Law or Rule of Militias?*

²⁰ КДБ подтвердил, что числа не соответствуют действительному количеству тувар, но идея состоит в том, чтобы убрать с улиц максимально возможное число (вооруженных) людей и направить их в экономику.

Несмотря на усилия КДБ, временное правительство подверглось критике – и заслуженно – за упущенный шанс разоружить повстанцев. Выплата денежных средств бывшим боевикам за их заслуги в революции не сопровождалась встречным требованием сдать оружие. Большая часть оружия, которое теперь свободно продается на черном и сером рынке по всей Ливии или распределено среди населения, пришло из ограбленных армейских складов на заброшенных военных объектах или было импортировано в период революционного восстания. В связи с наложением эмбарго на оружейные поставки, это оружие было ввезено контрабандой в Восточную Ливию под покровительством большого местного племени, которое живет по обе стороны ливийско-египетской границы.

Тем временем определенные виды вооружений (РПП и легкое стрелковое) подпитывают выгодный экспортный бизнес, создавая ядовитую связь между организованной преступностью и воинствующим *джихадизмом*. И исчезновение дневных контрольно-пропускных пунктов в Триполи не сопровождалось роспуском милиций. Укрепившись в своей роли поставщиков безопасности, у них остается существенный потенциал для выполнения или стабилизирующей, или дестабилизирующей функции.

Роль внешних акторов: РСБ и наращивание потенциалов

ООН была отведена роль главного координатора в Ливии после операции «Объединенный защитник».²¹ Перечень задач координатора включает посредничество между министерством обороны и министерством внутренних дел, которые не желают коммуницировать напрямую, что серьезно замедляет планирование и выполнение мероприятий по РСБ. Эта неоправданная ситуация должна нормализоваться после того, как временные министры будут заменены новоизбранным правительством.

ПНС было отдано предпочтение подготовке личного состава для полиции за границей, как основному средству научить основным умениям бывших *тувар*, которые заинтересованы работать в регулярных правительственных силах. Эта политика, без сомнения, будет продолжена и избранным правительством, так как отсутствие квалификации является основным препятствием для развития новой Ливии, и его необходимо преодолеть с профессиональной помощью других стран. На основании подписанных недавно соглашений о сотрудничестве несколько стран будут проводить обучение рекрутов для ливийской полиции. Наибольшая часть приходится на Иорданию, которая вызвалась подготовить 10 000 офицеров полиции. Однако из-за того, что не проводился предварительный скрининг кандидатов, при подготовке в Иордании обнаружилось полное отсутствие дисциплины. Власти, которые выбирают кандидатов на обучение за границей, должны справиться с этой проблемой.

---

²¹ Hansjörg Strohmeyer, “Libyen nach Gaddafi – Die Vereinten Nationen unterstützen den Aufbauprozess,” *Vereinte Nationen* 60:3 (2012): 99–105.

НАТО, Средиземноморье и Ливия: миссия выполнена?

Идеологическое неприятие полковником Каддафи «западных» ценностей оставило наследство, которое нельзя преодолеть только Меморандумом о взаимопонимании, цитированием договоренностей о сотрудничестве и предоставлении разведывательной информации (или даже ликвидированием ливийской программы по производству оружия массового уничтожения). Террористические нападения на гражданские авиалайнеры (взрыв рейса 103 компании Pan Am над Локкерби в 1988 году и рейса 772 компании UTA над Сахарой в 1989); повторяющиеся захваты заложников (тюремное заключение и пытки пяти болгарских медсестер в течение восьми лет, задержание сотрудников швейцарской компании АВВ в 2010-2011); поддержка террористов Абу Саяфа на Филиппинах и убийство британского полицейского преднамеренным выстрелом из здания ливийского посольства в Лондоне в 1984 году не могут «быть урегулированы» выплатой компенсаций, eventuальным освобождением заложников и репатриацией персонала посольства.

Кроме того, Муаммар Каддафи постоянно вызывал гнев своих арабских братьев, в особенности с того момента, когда он решил повернуться спиной к своим арабским друзьям и провозгласить себя самозванным «царем царей» Африки. Словесная перепалка с королем Саудовской Аравии Абдуллой в 2009 году на саммите Арабской лиги в Дохе, несомненно, стала началом образования последней трещины, которую уже нельзя было заделать. В итоге процесс международной политической и дипломатической нормализации, начатый в 2003 году, никоим образом не мог прийти к завершению, пока Каддафи упорствовал в своем стремлении защищать свою идиосинкразическую идеологию на местном или международном уровне, занимая спорные внешнеполитические позиции.

НАТО создало Средиземноморский диалог в 1994 году в основном для установления доверия между странами-членами и странами южного и восточного Средиземноморья.²² Несмотря на первоначальное сильное участие многих североафриканских государств, Ливия оставалась в стороне.²³ Эта позиция не изменилась и после очевидной оттепели в 2003 году. Поэтому при отсутствии всяких признаков сближения НАТО-Ливия и при условии, что Лига арабских государств, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Африканский союз повернулись против Полковника,²⁴ очевидно, что имелись основания для по-

²² Pierre Razoux, "The NATO Mediterranean Dialogue at a Crossroads," NATO Defense College Research Paper no. 35 (Rome, April 2008); доступно на: <http://www.isn.ethz.ch/isn/Digital-Library/Publications/Detail/?ots591=0C54E3B3-1E9C-BE1E-2C24-A6A8C7060233&lng=en&id=55304>. Несмотря на соответствующие опасения, замечательно то, что диалог не перестал функционировать и после фактического провала мирного процесса на Ближнем Востоке.

²³ Каддафи, озабоченный западным вмешательством в дела региона, дошел до того, чтобы угрожать *джихадом*. См. Gareth Winrow, *Dialogue with the Mediterranean: The Role of NATO's Mediterranean Initiative* (New York/London: Routledge, 2000), 173.

²⁴ Hans-Peter Mattes, *Russland, China und die afrikanischen Staaten: Das Ringen um eine Libyenpolitik* (Hamburg: GIGA, 2011).

тенциальной эскалации, которая быстро превратилась в интервенцию на базе ОЗ, когда волнения в Ливии привели к массовым убийствам, совершаемыми силами режима.

Операция «Объединенный защитник» оказалась эффективным инструментом для защиты гражданского населения Ливии, и текущий конструктивный демократический процесс, похоже, является оправданием вмешательства и положительного отклика на призыв ООН исполнить ОЗ. После завершения военного участия НАТО сделало несколько заявлений в СМИ в контексте развивающейся в Ливии ситуации. Последнее положительное публичное заявление альянса было сделано в связи с выборами. До этого была выражена поддержка Международному уголовному суду (МУС) и его требованию освободить четырех арестованных адвокатов. В двух предыдущих случаях был рассмотрен вопрос о жертвах среди гражданского населения в результате военной операции НАТО в Ливии, в том числе и случаи «потери жизни на море» вследствие предполагаемого бездействия кораблей НАТО в порту Мисрата. Поэтому, с точки зрения Ливии, заголовки были весьма негативными, несмотря на в целом положительное отношение к участию НАТО, которое считало, что эффективно поддерживает революцию против Каддафи.

Западные интересы в Северной Африке вне экономической сферы обычно сильно секьюритизированы. В дополнение к Европейской политике соседства (ЕПС), Европейский союз смотрит на Ливию через линзу Европейского агентства по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств-членов Европейского Союза FRONTEX, считая страну основным каналом для незаконной иммиграции в Шенгенскую зону.²⁵ С развитием ситуации в регионе Сахель и в южной Ливии, указывающей на эскалацию и увеличение воинственности разных акторов, в Брюсселе легко могут вернуться к обычному отношению, вместо того, чтобы использовать возможность установить новые рабочие взаимоотношения с Триполи. В том же духе НАТО может упустить уникальную возможность воспользоваться сильно возросшим авторитетом альянса в особенно важном регионе мира.²⁶

Кто сломал, тот и отвечает?

По мнению Запада, война была меньшей проблемой. Ливийцы так не считают. Гражданская война оставила глубокие психологические шрамы в душе нации и между 20 000 и 30 000 погибших. Только огромное счастье от того, что они сбросили оковы режима Каддафи, позволило многим ливийцам смотреть вперед, а не оплакивать последствия войны. Строительство работающего государства займет

---

²⁵ FRONTEX (сокращенное от *frontières extérieures*) является агентством ЕС по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах.

²⁶ Относительно одной позиции в защиту в целом возросшей подозрительности к Западу в регионе БВСА смотри: Sigrid Faath and Hans-Peter Mattes, *Der Umgang der nordafrikanischen Staaten mit dem Machtwechsel in Libyen* (Hamburg: Edition Wuquf, 2011).

от пяти до десяти лет, и оно должно стать ступенью для укрепления демократии и национального примирения.

Однако один вопрос остается без ответа. Переходит ли участие Альянса, или по крайней мере, тех его членов, что включились в ООЗ (и их арабские союзники), в моральную и юридическую ответственность? Разрушение 440 сильно укрепленных складов для боеприпасов при боевых вылетах самолетов НАТО тому пример. Удары привели к выпадению вредных веществ в большом радиусе вокруг складов (до пяти километров) и некоторые из боеприпасов остались невзорванными. Для обезвреживания этих тикающих бомб нужна специальная квалификация. Эта работа сейчас выполняется Службой ООН по разминированию UNMAS. Но не является ли расчистка разрушенных складов боеприпасов, которые режим Каддафи использовал бы для уничтожения ливийских граждан, ответственностью Альянса?

Поскольку в Ливии на этот момент НАТО в целом воспринимается положительно, НАТО может использовать эту возможность поднять свой политический и дипломатический профиль над чисто военным аспектом. Средством для достижения этой цели может стать создание в стране структуры НАТО по содействию переходу. Тогда как вмешательство в Афганистане вызвало глубокосидящее отрицательное настроение против НАТО, развитие событий в Ливии дает одну из лучших возможностей начать с нуля, или по крайней мере, пойти по новому пути в рамках Средиземноморского диалога. Так называемая Арабская весна и последовавшие смены режимов в регионе могут привести к переоценке партнерских отношений с некоторыми из арабских государств. В любом случае, Средиземноморский диалог может служить естественной платформой для взаимодействия с Ливией.

Локальное сотрудничество в сфере обороны и архитектура безопасности

С тех пор как восстания в Северной Африке инициировали фундаментальные политические перемены, в сфере безопасности на уровне регионального сотрудничества (юг-юг) наблюдаются существенные сдвиги. В настоящее время на двустороннем уровне были подписаны новые соглашения о сотрудничестве. Однако это не исключает широкомасштабное сближение на региональном уровне в будущем, как и предполагалось на многосторонних встречах таких региональных групп, как Союз Арабского Магриба (САМ).

В течение нескольких последних месяцев Ливия подписала несколько двусторонних соглашений о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности со своими соседями, например, с Тунисом и Алжиром. Эти страны Магриба сильно озабочены двумя проблемами, что и привело к подписанию этих договоренностей, хотя на момент подписания действовал только временный ливийский ПНС. Первая проблема – это поток оружия, вытекающий из Ливии, а вторая – активность *джи-*

хадистов в период перехода.²⁷ На последнем, но не по значению, месте, более секуляристски ориентированные акторы, такие как североафриканские военные, заинтересованы в объединении против общего врага – а именно, исламского фундаментализма и воинствующих паравоенных формирований.

Следующий саммит САМ состоится в октябре после перерыва, который длился более шестнадцати лет и который говорит о внешнеполитических приоритетах руководителей этих стран. Но некоторые из основных препятствий, которые надо преодолеть, чтобы установить более близкие связи между странами Магриба (например конфликт в Северной Сахаре), нельзя отнести на счет свергнувших лидеров. И все-таки нынешний политический климат более благоприятен для достижения консенсуса по общим целям и политике. Если саммит породит политическую волю двигаться вперед, существует маленький шанс, что вопросы, связанные с обороной и безопасностью, не будут исключены из повесток дня будущих встреч.

На более высоком уровне, но на основе существующей и работающей рамки, которая в последнее время перешла на гиперактивный режим, Лига Арабских Государств теоретически потенциально тоже в состоянии обеспечить создание региональной, в основном арабской, сети сотрудничества в сфере безопасности. В то же время даже согласование программы для свободного формата является огромной задачей в свете сильно расходящихся планов и приоритетов стран-членов. Однако эскалация кризиса в регионе Сахель может создать достаточно сильный общий интерес к более перманентному подходу к сотрудничеству в сфере безопасности.

В зависимости от развития политической ситуации на местном уровне и от еще не дефинированной стратегии по обороне и безопасности Ливии, новое правительство может выбрать ориентацию на практический уровень, продолжая участие в оперативной многосторонней инициативе 5+5. Преимущество такого подхода в том, что Ливия продолжит участие в уже существующей программе (выполняется с 2004 года), избегая необходимости принимать деликатное политическое решение о присоединении к Средиземноморскому диалогу НАТО.²⁸

Рекомендации к НАТО²⁹

Операция «Объединенный защитник» замечательна тем, что она проводилась без ввода войск на территорию страны, но что более важно – это первая миссия НАТО по выполнению ОЗ в арабском мире. Ее успех может помочь некоторым

²⁷ “Le Maghreb déterminé à s’unir face à l’insécurité dans la zone sahélienne,” *RFI* (Radio France Internationale) (9 July 2012); “Libya Neighbours Approve Border Security Plan,” *Magharebia* (13 March 2012).

²⁸ “Libya Returns to ‘5+5’ Defence Meeting,” *Magharebia* (22 November 2011).

²⁹ Основаны на интервью, взятых автором в Триполи, Ливия, в колледже обороны НАТО в Риме, и штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Целью этих рекомендаций является очерчивание вариантов для развития отношений НАТО-Ливия и извлечение уроков для Альянса из ООЗ.

членам Альянса преодолеть усталость от участия в интервенциях, в особенности после продолжительного ангажемента в Афганистане. Однако остается критический вопрос: а выполнена ли в действительности до конца миссия в Ливии? Если да, то тогда какую форму примут будущие отношения между НАТО и Ливией? В финальном документе, подытожившем саммит НАТО в Чикаго в мае 2012 года, Альянс еще раз заявил свою готовность поддержать Ливию в рамках Средиземноморского диалога: «Мы готовы приветствовать Ливию как партнера».³⁰ Конечно, это предложение еще надо перевоплотить в действия с обеих сторон не только для того, чтобы оправдать большие ожидания ливийских политиков, но и для того, чтобы помогать им, а при необходимости и поправлять их. Эта задача может быть выполнена успешно только при наличии стратегии, направленной на тех, кто принимает решения в Ливии, и которая информирует их о целях, задачах и возможностях Альянса. Ниже перечислены некоторые из основных вопросов, которые в такой стратегии должны рассматриваться:

- *Боязнь колониализма.* Несмотря на в целом положительное отношение к НАТО после ООЗ, страх перед неоколониализмом в Ливии остается. Поэтому при любом будущем участии НАТО или индивидуальных союзников надо иметь в виду высокий уровень ожиданий после Революции 17 февраля (и может быть приземлять их), а так же сильное стремление местного населения не отдавать ливийскую собственность в руки иностранцев (несмотря на отсутствие квалификации). На практике это означает, что при предоставлении запрашиваемой технической экспертизы надо делать это очень тактично.
- *ПроНАТОвский импульс.* На фоне в целом невысокого авторитета НАТО в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), было бы разумно использовать текущую высокую степень благодарности среди генералов и высших лидеров милиций к Альянсу для выстраивания прочных отношений между НАТО и Ливией. В основном этого можно добиться на основе общих интересов и общего восприятия угроз.
- *Партнерства.* Италия по экономическим и политическим причинам стремится поддерживать прочные связи с Ливией. Следовательно, она может служить заинтересованным посредником при заполнении пробела между Ливией и Средиземноморским диалогом. В то же время весь формат СД

---

³⁰ «Мы приветствуем заявленный Ливией интерес к углублению отношений с Альянсом. Мы готовы приветствовать Ливию как партнера, если она этого желает. В этом плане СД является естественной рамкой для такого партнерства. Мы остаемся в режиме готовности, если понадобится, и готовы в каждом конкретном случае рассмотреть предоставление Ливии помощи в областях, где НАТО может сделать свой вклад. Деятельность НАТО будет сфокусирована в основном на реформе сектора обороны и безопасности, с учетом и других международных усилий». Декларация саммита НАТО в Чикаго от 20 мая 2012 года; доступно на: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_87593.htm?mode=pressrelease.

нуждается в целостном ремонте для укрепления региональной стабильности после того как уляжется пыль после Арабской весны.

- *Коммуникация.* Установление, укрепление и культивирование контактов с новоизбранным премьер-министром и министром обороны. Опыт и контакты «Ливийской контактной группы» могут служить отправной точкой или дополнением. Целью этого политического диалога с новой элитой, гражданской и военной, должно быть обсуждение взаимных ожиданий и определение ключевых вопросов взаимного интереса (к примеру, безопасность границ и антитерроризм).
- *Ливийская национальная армия.* Помощь в строительстве структур новой армии означает помощь в установлении критически важного элемента в государственной монополии на насилие. Где это только возможно, необходимо использовать уроки, извлеченные из таких миссий, как Тренировочная миссия НАТО NTM-I/II в Ираке.
- *Белая книга.* Предложить профессиональную поддержку в подготовке белой книги стратегии обороны и строительстве вооруженных сил. Интеллектуальные ресурсы Альянса могут помочь министерству обороны глубже взглянуть на стратегические и оперативные аспекты централизованной, национальной армии.
- *Ливийский штабной колледж.* Содействие профессионализации, сотрудничеству и проектам по обмену в штаб-квартире НАТО в Брюсселе или в столицах союзников. Можно было бы предусмотреть углубленный обмен посредством участия в курсе НАТО по региональному сотрудничеству или в региональном курсе для высших исполнительных кадров (SERC) в Колледже обороны НАТО.
- *Специальная военная подготовка.* Специальная подготовка может понадобиться при борьбе с нестабильностью на юге, в регионах Сахары (Себха, Куфра); при охране границ; в борьбе со связью организованной преступности и *джихадистского* терроризма (Аль-Каида в Исламском Магрибе – AQIM в Сахеле и потенциально глобальными *джихадистами* в Восточной Ливии). Для всех этих областей будут необходимы западная технология и квалификация.
- *Структура по содействию переходу.* Целью такой локальной структуры в Триполи было бы оказание содействия в осуществлении коммуникации между НАТО и Ливией и при выполнении рекомендаций в текущем окне возможностей для укрепления взаимоотношений.
- *Публичная дипломатия.* Такая деятельность не требует в первую очередь специфических знаний языка, но должна основываться на культурной осведомленности для того, чтобы инициировать искренний диалог без ложных восприятий. Визиты выбранных партнеров (министерство обороны / министерство иностранных дел) в штаб-квартиру НАТО, Колледж обо-

роны НАТО или в Неаполь позволило бы ливийским военным и дипломатам изучить на месте возможности и оперативные аспекты Альянса.

- *Последствия для Сирии.* Избегать применения ливийской модели интервенции для выполнения ОЗ к гражданской войне в Сирии. Геополитическая ситуация Сирии, глубокое этническое и религиозное разделение и потенциальное распространение конфликта на соседние страны требуют другого подхода.

Литература

Anderson, Lisa. "Tribe and State: Libyan Anomalies." In *Tribes and State Formation in the Middle East*. Berkeley, CA: University of California Press, 1990.

Ibish, Hussein. *A Patronizing Narrative Pigeonholes Arabs In NOW Lebanon* ., 2012.

Libya: Rule of Law or Rule of Militias?. London: Amnesty International, 2012.

Ouannes, Moncef. *Militaires, Elites et Modernisation dans la Libye Contemporaine* . Paris: L'Harmattan, 2009.

Pelham, Nicolas. *Rivalries for Authority in Libya*. NOREF Report , 2012.

Roberts, Hugh. "Who said Gaddafi had to go?" *London Review of Books* 33, no. 22 (2011): 8-18.

Strohmeyer, Hansjörg. "Libyen nach Gaddafi – Die Vereinten Nationen unterstützen den Auf-bauprozess." *Vereinte Nationen* 60, no. 3 (2012): 99-105.

Varvelli, Arturo. "Evoluzione della situazione in Libia ." *Osservatorio di Politica Internazionale: Approfondimento ISPI* (2012).

Winrow, Gareth. *Dialogue with the Mediterranean: The Role of NATO's Mediterranean Initiative* . New York/London: Routledge, 2000.